

“Курт Кобейн для меня свой в доску”

лауреат премии Аполлона Григорьева
Юрий Арабов — Газете

Лауреатом одной из самых престижных литературных премий в России — премии Аполлона Григорьева — стал знаменитый сценарист, поэт и прозаик Юрий Арабов, награжденный за роман «Биг-бит». Об этой книге писатель рассказал корреспонденту Газеты Кириллу Решетникову.

Как вы вообще относитесь к литературным премиям?

Я считаю, что они не отражают ценность произведений, за которые их дают. Однако отражают доброжелательное отношение людей, которые входят в жюри. Я на все свои премии именно так и смотрю — я просто благодарен людям за хорошее отношение к литературному материалу.

Герой вашего романа проходит путь от представителя лучшей части молодежи 1960-х до заурядного коммерческого музыканта. Как это соотносится с вашими взглядами на поколение шестидесятников?

Вообще я считаю, что каждое следующее поколение хуже предыдущего. Относить моего героя к лучшим представителям поколения 1960-х неправильно. Я, собственно говоря, описал путь конформиста. Да и мы, восьмидесятники, принимавшие позу независимости от государства и от денег, сейчас прекрасно вписались в нынешнюю акульную систему. Более того, зубы этой системы и есть наше поколение, поскольку оно

сейчас у власти. Я писал роман с горьким чувством, у меня нет никаких иллюзий ни по поводу шестидесятников, ни по поводу восьмидесятников. Но в каждом поколении, несомненно, есть люди очень достойные, очень духовные. Другое дело, что они не определяют лицо поколения.

Адекватно ли прочтение вашего романа как ностальгического? Насколько вообще ностальгия эффективна для творчества?
На самом деле в моем романе более существенна чисто документальная сторона. Она там играет главную, доминирующую роль. Приметы быта, утраченный материальный мир, навсегда ушедшая ментальность — вот то, что я пытался отобразить, причем именно с документальной достоверностью. Другое дело, что люди нового поколения, мало знающие о том времени, в меньшей степени замечают эту документальность, а в большей — ностальгию. Но для меня чувство ностальгии не было определяющим — для поэтики романа оно не столь важно.